

Г

403594

АЛЕКСАНДР
ЯШИН

Тебе,
любимая!

Александрических

Тебе,
любимая!

СТИХИ
ПОЭМА

1403544

ВОЛОГОДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1960

Яшин
Александр Яковлевич
ТЕВЕ, ЛЮБИМАЯ!

Редактор *В. К. Пудожгорский*
Технический редактор *С. И. Соколова*
Художественный редактор *П. Ф. Макаров*
Художник *В. А. Чулков*
Корректор *А. В. Дзюбак*

ГЕ01181. Подписано к печати 4.III.60 г.
Бумага 70 × 92½³². Бум. л. 3,25. Печ. л. 7,6.

Уч.-изд. 6,4.

Тираж 3000.

Цена 4 руб.

Заказ 454.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, скожу на полустанке,
Словно на приветный отонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец, — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд.
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрый словом — В о л о г д а — зову.

Жизнь большая в дебри входит властно,
Волока — и те меняют вид,
Мы ко всем делам страны причастны:
Спутник и над Вологдой летит.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

ДОРОГОМУ ЮБИЛЯРУ

(К 800-летию Вологды)

Нашей столицы сестра и ровесница,
Пусть она ширится, пусть она светится,
Пусть кружевами и песнями славится,
Маслом и мясом —
Наша красавица,
Льном-долгунцом,
Штабелями сосновыми,
Хлебом и сталью, машинами новыми.
Пусть будут люди, дела ее молоды —
Древней и новой любимой Вологды!

*27 сентября
1947*

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нежоженными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичий голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая хвоинка так люба,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж, конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1955

У ЗЕМЛЯКОВ

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан,
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Деокать, только дома пониже,
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и с сенцом стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрай крашены.
В кружева ее хоромы вплетены,
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.

Мастерица-рукодельница она,
Всяку-всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот...
Пусть припомнит, как по утру по росе
Мы с ней путали-мотали валансыен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олексеевна.

И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не пожвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря, воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем — конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастерниц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
У Нasti,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру — салют!»
Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился,
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в суземах закружил

И водит — старая лиса.
Но в хвое парень увидал —
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх — огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется — обман:
Все та же грива¹, речка, бор,
Налево — зыбуны, туман,
Направо — синий свет озер.

И, под конец, когда устал,
Прилег, разжег костер.
И вдруг
Лесной царевны услыхал
Лукавый голос:
— Слушай!.. Друг!..

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузем под мой навес.
В трущобе человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач кадил,
И пир гремел во всем бору.

¹ Грива — возвышенность, юр, увал.

Так на царевне на лесной
Женился мой земляк.
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной —
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать —
Деревня выросла. Ее
Блудновом люди стали звать.

Посевы наши раздались,
Земля добра, народ богат,
Вошли машины в нашу жизнь,
Меж сосен провода гудят.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговки в ряд,
Цветики на ковте...
Добер наряд!

А выюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка;
Вейся, свивайся на смерть
вовкам.

Справлю обновку, взамуж
пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка подружкой
была,
Чтоб не терять мне девичью
стать,

С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А выюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

1936 — 1936

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни страдать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись, степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило—
Брусника в чащах,
Рек голубизна, —
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки затоны.
Как многолюдны свадьбы и пирь,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему покала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнеконько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Перепугалась я: пуговки нет!..
И отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

За полночь все рас прощались с ним.
Пуговки Ленин моей не заметил,
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...

Сердце мое забилось,
Остановилась сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало! .

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита.

1939

У КАБИНЕТА ИЛЬЧА

Давно история случилась эта,
А все не меркнет в памяти людской...
У двери ленинского кабинета
Стоял солдат с винтовкой,
часовой.

Стоял с утра, неслышный, неприметный.
Навытяжку,
Прижав ружье к плечу.
Ильич работал.
Коридором светлым
Несли радиограммы и пакеты;
Знакомые солдату по портретам
Товарищи входили к Ильичу.

Плохие с фронта поступали вести.
Шли ходоки.
И Ленин их встречал
И провожал.
И все на том же месте
Солдат с ружьем навытяжку стоял.

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался же в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
— Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил, — мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...

В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог, —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра.
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман, промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам, шмыгнул зайчонок
шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была—
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как всегда, весна наступала в марте,
Ручейки подсгудно потекли.
Словно пятна белые на карте,
Исчезает снег с лица земли.

Зеленя напомнили о хлебе.
Пахнет старой, прелою травой.
Раздались проталинки на небе,
Освежая душу синевой.

Над рекою посвисты и писки.
Закипают мутные яры.
А вокруг, как девичьи записки,
Лоскутки березовой коры.

И деревья стали выпрямляться.
Все ж тревожно:
Так тяжел был снег,
Что, быть может, многим не подняться,
Не взметнуть вершин своих вовек.

Но в лесу стволов кондовых много,
Хороша их мачтовая стать.
Ведь наверно же они помогут
И подлеску головы поднять.

1956

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку.
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта,
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид неставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

ВСЕ МОЖЕМ

Порой посчитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем!
Мы молоды,
И — все впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок — и на севере,
В торосах почти,
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Что б больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Безустали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой омены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день роженья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дома,
Справятся:
— Как дела? —
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель,
И шатер—моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счастье,—
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль;
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темно-зеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады,
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга о запахах сада,
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал! .

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь глухую
Беззвездным, безлунным,
В полдень знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

1941

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу — волны, сверху — сад,
Идут нарядные матросы
В атаку, словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг,
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень — на вражьих касках,
Над бескозырками — восход.
Все ж разбирался автор в красках...
Но злость,
Но гнев меня берет.

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех,
И самым смелым и веселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что, если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в нарядной раме —
Насквозь бы он его прожег.

1954

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посыпает милый телеграммы:

«Помни тчк люби меня
зпт приезд не за горами».

Не успею разобрать одну —
Посыпает срочную другую:
«Жив здоров любимую жену
обнимаю зпт целую».

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк?.. — наверно, про войну.
Зпт?.. — убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учёй.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму вот не понимаю!

Подаю последнюю ему.
Прочитал старик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует — каждый разберет.
Зпт, — по-моему, — на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед... —
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали!
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом на розовом листе
Написала молнию такую:
«Зпт, любимый, зпт,
жду с победой скорою, целую».

1942

* * *

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет,
На севере далеком
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля.
Оно огнем играет
Над башнями Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Березоньку наклонишь—
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь—
Поднимешь весь народ.

1945

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей,

А все ли помним
И всегда ль
о том,
Что родина была и есть и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что — рядом, под боком у нас,
И — далеко,
чужие нам по крови,

И все они нуждаются подчас
В тепле, в участье,
В братском добром слове.

С любым ты мот служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне как земляку
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть не
близкий,

Безвестный пусть —
в беде, нужде какой,
Спеши ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебною запиской.

Спеши на выручку, других зови, —
Пусть не найдется душ глухих и
жестких!

Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!

1956

СОСНОВАЯ ГРИВА

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном kraю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи;
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи.
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,

К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы
Из мертвых, верно, могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины,
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

СОСНОВАЯ ГРИВА

М. М. Пришвину

Бор — как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на граве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гравы достаем.

1945

ЛЕНОК

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец.
Уж я сеяла лен-долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями — в лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам.
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок.
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилек,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Все как сон — не проснешься никак...

Нет,
Было так!

Выспели да выстоялись золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

Лен заводу сдали,
И в конце зимы
Ткани пестротканные получили мы,
Шитые обновы —
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берет мороз.
А какие шали —
Жарки и легки!
Что за полушалки,
Что за фартуки!

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не застя,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная,
Не богатая, не бедная,
Женщина безвредная.

Промышляла чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила;
Если свадьба где была —
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдет в лесок,
Возвращается с грибками,
Или сходит на часок
С удочкой за окуньками.

Иль за мельницей в силок
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе готовит.

У соседа дом как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нем
Лавка и лежанка.

У соседа за столом
Не семья — бригада,
А она с котом вдвоем —
Много ли ей надо.

Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да, сказать по правде, Настю
И в расчет не брали власти.
Неогляден белый свет, —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно б людям не чужая,
И своею не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
Вы в уме ль?
Кур смешить на склоне лет?..

Силы нет!
Здоровья нет!

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живет!

Раз в осеннюю страду
Попросили выйти в поле.
Обозлилась:
— Не пойду!
Если будете неволить,
До Калинина дойду.

* * *

Может, все житье Настасьи
Так сторонкой бы и шло,
Может, не было бы счастья,
Да несчастье помогло.

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода дотемна.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегает пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

Бабы спать ночей не стали,
Все заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья — в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лен теребят дотемна.
Вот и осень наступает...
А Настасья все одна.

На душе нехорошо,
Грех один с такой душой.

И однажды в день ненастья
На гумно пришла Настасья.
— Бог на помощь!
— Слава богу!
— Как живется?
— Понемногу.

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах иль сердце ноет?
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберешь.

— Видно, бабы, я слаба,
Одолела худоба.

Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотьба?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?

— У тебя ж здоровье слабо! —
Отвечают бабы.

— У меня здоровье слабо,
Но теперь война идет,
Потянуло на народ.
Ну-ка, дайте место, бабы!

Ой, как ладно сноп ложится,
Не привод поет — душа!
— Хороша, соседки, ржица!
— Мы не хаем, — хороша.

До заката потрудилась,
Постонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась
И еду с собой взяла.

— Как живется?
— Понемногу.
— Как дела?
— Да слава богу.

— Снова, что ли, на работу?
— А неужто не гожусь?
Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь.

- Понимаем! — говорят.
- Принимаем! — говорят.

Полилось потоком снова
Золотистое зерно.
Пыль над током да половы,
Кажется, горит гумно...

И спустя полгода власти
Похвалили даже Настю...

Уж война проходит, вроде,
У Настасьи в сердце свет.
Из артели не выходит,
Говорит:
— Желанья нет!

Говорит:
— Не буду доле
Мыкать горькую нужду.
А погоните неволей —
До Калинина дойду.

1944—1945

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет,
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушибаках и в пимах
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы.
Не спешат с отлетом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем слепят глаза до боли.
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля.

Не смиренье — сжатый рот,
Даже вздох —
с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленье.
Трудный сорок первый год...

1945

САМА ПОБЕДА

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идет! Идет!..

— Далеко ли он?—
Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уже сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль как дым,
И гром гремит
Над лесными далями...

Кто-то издали кричит:
— Гусеничный!
«Сталинец»!

Мир!
И тракторы опять
В села стали поступать.

Он пронесся вдоль селенья
У народа на виду,
Встал под окнами правленья —
Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья.
Встреча? Что же, так и след!
— Добрый день!
— Мое почтенье!
Потрястись для развлеченья
Есть охотники иль нет?

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
— На какую скорость ставить? —
Отвечают:
— Ставь на все!

Стол — самим на удивленье,
Словно это складчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копченые —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский житель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

— Дорогие граждане,
Поздравляю каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!
Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали,
Только бы разбить врага!..

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
— Да хлебните ж хоть для виду
С холодка окрошки!..

Задушевная беседа
Не вином хмельна была.
— Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла.

1946

ДВА УРОЖАЯ

Трибуна хоть не высока,
А всей стране видна.
Мнет женщина концы платка,
Волнуется она.

Расскажет, если начала,
Про все житье-бытье:
Как обязательство брала
И как природа подвела
В прошедший год ее.

— С весны заладили дожди,
Ну, просто, спасу нет!
К посевам лучше не ходи —
В глазах мутился свет.

А после — сушь,
Да заодно
Пыль, неба не видать.
Какое тут льноволокно —
Семян не оправдать!..

Но слово родине дано,
И я решила:
Все равно
Должна его сдержать.

По двадцать центнеров на круг
С гектара дать должна.
Я собрала своих подруг —
Артель у нас дружна!

Решили воду подвести.
Старались, как могли,
Чтоб лен от засухи спасти...
И все же больше десяти
Не взяли от земли.

Ох, пораженья горек час!
Едва не выплакала глаз —
Слеза-то солона.
А люди утешали нас:
Не вина, мол, вина.

Природой, дескать, все давно,
Как ты ни бейся, решено —
Упрямая она.
«Все верно, — думала я, — но
Ведь обещание дано,
Я устоять должна...»

Она поправила цветной
Платок,
Что падал с плеч,
Утерлась, словно в зале зной,
И продолжала речь:

— Наука в помощь к нам пришла —
Районный агроном.

Сказал он:

«Выправим дела.
Погодка, верно, подвела,
Но мы свое возьмем.

Свое, сказал, возьмем всегда!
Хоть сроки коротки,
Но не бояться ж нам труда,
Ведь мы большевики!..»

А я, по правде, никогда
Партийной не была,
Но слово все-таки дала,
И в слове я тверда.

«Сей, говорит, еще!»
И мы
Взялись за сев опять.
Два урожая до зимы
Задумали собрать.

Добротней первого сняла
Я новый лен с полей.
Природа тоже поняла,
С кем надо ладить ей.

Взгляните вот на волокно:
Что шелковая — прядь.
Раз слово родине дано,
То это слово быть должно
Ее делам под стать!

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

В новом рабочем клубе,
Светлом от свежих плакатов,
Пахнущие опилками,
Землей и зерном,
Чуть свет
Пильщики и крестьяне
Сошлись намечать кандидатов
В Верховный Совет Республики,
В народный Верховный Совет.

• • • • •

— Я предлагаю выбрать
Авдотью Петровну в Совет.
Лучше льновода, верно,
В целом Союзе нет.

Вот она, всем родная,
С нами сидит у стола.
Слава ее трудовая
Землю всю обошла.

Авдотья выходит в поле
По золотым часам.
На кофте Авдотьи орден —
Калинин вручил ей. Сам.

Думаю, будет Авдотья
Зашитницей наших прав.
Высказывайтесь, товарищи,
Прав я или не прав.

• • • • •

К столу, на ходу охорашиваясь,
Подружка Авдотьина вышла,
Пояс на ней что радуга,
Как звездочка, брошь светла.
Поверх голов посмотрела,
Прикинула, будет ли слышно —
Людей, чай, не меньше тысячи, —
Откашлялась и начала:

— Нынче моя парочка у всех на виду,
И я об Авдотье речь поведу.

Жили мы дружно — ничто нипочем,
Дело поднимали одним плечом,
Горе плечом и нужду плечом,
Пахота, жнива ли — все нипочем.

Но был один случай — скажу о нем.
Лен теребили мы за гумном.
Встали на лен, а лен не по мне:
Я даю десять, она — вдвойне.

Ласточки еще не кружат в полях,
В небе ни облачка, след на траве,
Спит, как убитая, вся земля,
А мы уж на льнище. Обе-две.

Дали по кофте нам — в бабочку шелк,
Ситцу нам дали — все хорошо!..
Только мне в поле — хоть не ходи:
Я — сто снопов, она — впереди.

Что, баю, за чудо. Как быть-стать?
Думать решила да примечать.
Взяло за живое, жить не дает.
День прошел, два прошло, три,
И вот

Стал-таки праздник на моей стороне:
Она дает десять, я вдвое, —
Она ставит сотню, я полторы...

Ну и повыхаживалась я в те поры!
Песен заодно с Евдокией не пою,
Чаю из общей заварки не пью,
Лен отказалась стлать сообща...

А подружке хочется все по душам:
«Что ты, словно, дуешься, злишься все,
Что ты, бает, пароцька, сердишься?»
Я себе ломаюсь да форс задаю...
Но стали мы работу сдавать свою,
Вывалили мой из предбанника лен —

Старики довольны — лен как лен!
Привезли Авдотьин — мой на смех:
Лен у Авдотьи — что тебе снег!
Щупом перещупывают каждый сноп,
Лебедь белоперая — каждый сноп.

Я — к Евдокии:
«Что за ленок!
Сколько лежал? В какой воде мок?»
А она смеется:
«Форс-то брось!
Надо наперед расстилать не врозь.
Я ли не звала тебя? Где ты была?..»
И, как бывало, к себе повела,
Чаём поит меня, с медом поит,
Книгу показывает.
«Вот!» — говорит.

Нынче Авдотью знает страна.
Наша Авдотья во всем видна.
Бабы — от нас и до Чухломы —
«Как, мол, Авдотьюшка, так и мы!»
Нет подходящей в Совет лица.
Выберем Авдотью.
Справится!

* * * * *

За красным сукном президиума
Сидят мастера пилоставы,
Сидят мастера колхозники,
Пильщики — в два ряда.
На самом краю скамейки,
От выступающих справа,

Сидит Евдокия Петровна.
Скуласта. Немолода.

Не робость — чего робеть ей? —
Но жажда томит — нет мочи.
И так завсегда, лишь станут
О ней на миру говорить:
Пересыхает горло,
Глотнуть бы хотя разочек,
Хотя бы один глоточек,
Хоть губы смочить — не пить.

Графин стоит в отдаленье.
Наверно, как лед, водица!
Но надо тянуться... Авдотье
Припомнился случай один.
Вот так же в Кремле сидели...
Вокруг незнакомые лица.
Когда, захотев напиться,
Она потянулась к графину —
Калинин ей подал графин.

Сначала она оробела;
Потом, одолев смущенье,
Оглядываясь на соседей,
Несмело графин взяла
И, поклонившись, села;
Держала графин на коленях
Да широко улыбалась.
Но пить уже не смогла...

.....

Сутулясь и чувствуя, что немеет,
Авдотьин муж на трибуну взошел.

— Товарищи! Я говорить не умею...—
Из зала:
— Работаёшь хорошо!

Слова эти круглые, словно колеса,
Ему подсказали: кругом свои!
— Товарищи, я про жену свою...
— Просим!
— ...Про все обтолкую, как член семьи.

Вот тут одобряют Овдотьино имя,
И надо народу знать обо всем:
Как нам жилось при старом режиме,
Как при колхозном режиме живем.

Жили мы с ней — ни себе, ни богу.
По старому времени я ее,
Прямо скажу... колотил немного,
Так... за нерадостное житье...

Было положено: за недороды,
За мор — за все отвечать жене,
Жёнка жила в стороне от народа,
Прямо скажу, по моей вине.

Но вот наступил советский порядок,
Здесь стали строить лесозавод.
Вижу, всему жена моя рада, .
Вижу, свою она линию гнет.

Начал колхоз осушать болота —
Грязь, комары, по суткам дожди;
Прямо скажу, не сладка работа,
А Евдокия опять впереди.

Когда ее стали знать в исполнкоме,
В обкоме
И взяли в Москву на слет,
Я думал: теперь полушенок заломит
И от моих от ворот — поворот.

Ничто. Повстречалися честь по чести.
Обид не имею, в семье совет,
За все мы беремся с Авдотьей вместе,
И мне, как мужчине, зазору нет.

Она понимает душу людскую,
На все у нее свой сердечный суд.
И я за свою жену голосую
И сыну родному скажу: голосуй!

Авдотья глаза опустила:
«Пошел муженек хвалиться!..»
Лежат ее крупные руки
Рядком на краю стола.
Опять, как на сенокосе, —
Хотя бы глоток водицы!
Сейчас выступать заставят,
Ей жажда губы свела.

Тогда, осторожно поднявшись,
Она из-за стульев выходит,
Не утерпев, потянулась
К графину издалека.
Но кто-то графин забирает,
В стакан наливает воду,
И вот по рукам к Авдотье,
Сверкая, плывет стакан.

ДОЖИНКИ

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей —
Акустика
В лесу хорошая.

Уже давно закрапана
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Рябиною, брусникою
Несет от всей земли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле,
Да река еще,
Как небо, широки.

Один несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу —
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на полосу.

Все убрано машинами, —
Нет слов, они в чести, —
Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголочки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вост्रую,
Проворствуй у межи,
На общий пояс горсть свою
Со всеми положи!

И загадай желание,
Какое поважней.
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чем мечтается...
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется.
Что тут загадано.

Нам нет путей заказанных,
Задумывай, что хошь.
О суженых, о ряженых
Гадает молодежь.

Одни о выдвижении
На курсы в область, в центр,
Другие — о снижении
Мануфактурных цен.

А кто в соревновании
Победу одержал,
Тот о геройском звании,
Об ордене мечтал.

И чтоб в столицу сызнова,
Лишь кончат обмолот,
Со всех концов их вызвали
На всесоюзный слет.

Дожали все как следует,
И вот сошлась толпа
У «гости» —
У последнего
Овсяного снопа.

Большой — в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

1948

МЫ ЕЩЕ ПОГОВОРИМ!

В том году мы приглашали
На уборку горожан,
Жали сами — не дожали:
Выше росту урожай.

И была потом пирушка —
В ряд на тридцать два стола.
В том году к рукам Анюшка
Тракториста прибрала.

Я другому полюбилась,
Хорошо гуляли с ним.
Только я перегордилась
Перед миленьким своим.

Говорю ему:
— Обидно,
Что какой-то ты такой
Незаметный, да невидный,
Небаженый, небаской.
У подружки вон какой!

Он тебе и на собранье
И на праздниках в чести.
У тебя, мол, ну ни знаний,
Никакой учености.

За подол мой не цепляйся
И не висни на руке,
Нынче ж в город отправляйся,
Приобщайся к технике!

И ушел он.
Год без мала
Проучился.
Я одна
Как скучала, тосковала —
Знают поле да луна,

Да скамья на перевозе,
Где меня он целовал,
Да заметки на березе,
Что на память вырезал.

Хоть и парень,
Хоть мужчина,
А послушался, ушел...

Привезла его машина:
Он в кабине — сам большой.

И, гляжу я, — изменился,
И ученым багажом
Предо мною загордился...
Ладно, думаю, ужо!

Говорит:

— Хлебнул, не скрою,
Я за партой маяты,
Но зато дороже стою,
Знаю технику...

А ты?

Вон на жнейке жнет Анюшка, —
Говорит, — и ты тянись,
Обставляет, мол, подружка!.. —
Ладно, думаю, гордись!

А сама — скорей в правленье:
— Председатель, будь родным,
Дай на курсы направленье! —
Мы еще поговорим!..

1940

НЕВЕСТА

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть лопатой ягоды греби,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке.

Все — под окнами, с деревней рядом.
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада —
Проводила молодость свою.

Но вокруг на сотню верст и дале
Ни избы — осина да ольха,
И в колхозе многие вздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?..

Год проходит,
Наступает новый —
Ей одной как будто ни к чему.

Все тоскуют — ей и горя мало,
Не упала ни одна слеза.
До зари бригаду поднимала,
На кофейной гуще не гадала...

Но пришла пора...
И к ней в леса
Стали заявляться издалека
Молодец знатнее молодца,
Будто всё проездом, ненароком
Останавливались у крыльца.

Ни забот невесте, ни печали —
Выбирай любого жениха...
Но опять колхозники вздыхали:
С молодыми долго ль до греха!

И опять судили да рядили, —
От забот старушки без ума,
Словно сами замуж выходили...

Только на нее не угодили:
В Вологду, в Москву ль —
не уследили —
Отбыла за суженым сама.

1939

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье как сбор назначен,
Только скатерть постлать.
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
Сам большак в углу сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну, — сказал он, — по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,
Всей своей семьи и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда! —
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

1947

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листвьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка дорога! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд
народ
Получал награды.

Люди будто не в артели —
На скамейках, на полу, —
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,
Говорил:
— Служу народу! —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу! —
Ей шепнули:
— Все одно!

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

Взял и сунул под пиджак
Да еще нахмурил брови,
Словно выпил натощак,
Словно все ему не так
Да не внове.

— Приколоть медаль-то надо! —
Зашептали деду все. —
Аль не по сердцу награда? —
Но старик не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь, —
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как медаль на грудь приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И вниманья
И почета,
Но такого поворота
Не случалось на веку.
В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взгляdevшись в полутьму, —
По всему, из-за медали —
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил,
Заодно и вам почет.

Я гляжу, на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!.. —
И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал, хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал,
И для каждой хоть немногой,
Хоть два слова, да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:..
— Признаешь теперь, сынок?

Напоследок ярового
Всем засыпал.
— Ешьте всыпь!
Чур, меня не подводить,
Поутру за дело снова —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!

1947

БАЛЛАДА О РЫБАКАХ

Отпывали в море восемь рыбаков,
Ветерок задувал не слабый.
Провожали жены своих муженьков
И, конечно, плакали: бабы!

— Перестаньте, бабы! — злились
рыбаки. —

На работе только помеха:
До подола косы, умы коротки,
Не уйти от вас, не уехать.

Понеслись шаланды скоро да легко,
Паруса над морем склоняют.
И беда настигла: несет рыбаков,
А куда? — и сами не знают,

Ввечеру барабанчики стали потухать.
А ночами ветер — ой, страшен!
И все чаще начали в лодках вздыхать:
— Где-то нынче бабоньки наши?!

Потянуло снова к дому, к шалашам.
Говорят:
— На часок хотя бы...
Бабы хоть и слабы, но все, по душам,
Никуда, ребята, без бабы.

А на небе тучи — тени широки.
Только вдруг из тучи, из ночи
Самолет пробился.
Глядят мужики:
Самолет ведет баба-летчик.

Покружилась, взмыла и пошла назад.
А потом по синим ухабам
Вылетает катер.
На лодках глядят:
Управляет катером баба.

Развернулась с ходу — за кормою чад,
На буксир принимает вроде...
Рыбаки послушны, неловко молчат,
Друг от друга глаза отводят.

Прибежали жены встретить муженьков,
Целовать в соленые губы,
Проливали слезы на грудь рыбаков.
Мужикам и слезы уж любы.

1941—1945.

* * *

По рукам пошла красавица.
Плачет мать порой ночной:
Не охота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была бедовая
Честь по чести отдана
И опять живет не вдовая
И не мужняя жена.

На войну ссылаться нечего,
Что осталась без семьи.
Не сама ли искалечила
Годы лучшие свои?

По селу идет красавица ---
Будто вязнут каблуки.
За спиной ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,
Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклоняются —
Не считают за свою.

По селу идет красавица
Ни жива и ни мертвa,
Низко, низко опускается
Золотая голова.

1944—1947.

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру, —
Лучшей не видано
Во всем бору.

Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосновой!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,

Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь все для соленья
И все для варенья —
Хоть целым селеньем
Живи, начуй!
А мох для оленя —
Ешь не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944—1945.

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Но покоя сердце не находит —
Все же навестить бы паренька.

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове недолго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗО — еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он — в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.

— Вы кто ему?
— Родитель.
— У него сегодня выходной,
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец, он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка —
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо, с виду стал постарше...
— Так в каких же ты чинах теперь? —
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек,
Можно только гостем заниматься.
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал, —
Лучше не придумаешь подарка! —
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет —
Потолочный и горизонтальный.

— Самый сложный — потолочный шов, —
Объясняет сын.
Отец гордится:
Вот что значит парню поучиться, —
Сколько Ваня знает новых слов!

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья.
К Ване все относятся с почтением:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил?
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

«Отдыхает!..
Пот уже с лица —
Швы кладет, меняет электроды.
Вот что значит трудовой породы!
Нет, такой не подведет отца...»

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда вернулись на ночевку,
В первый раз, преодолев неловкость,
Он сынка по отчеству назвал.

— Мать сказать просила:
Хорошо,
Что родителей не забываешь,
Письма пишешь, деньги посылаешь.
Будет лишек — посытай еще...

1951

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

По поселку в выходной
Шли под ручку муж с женой,
У нее вся грудь в медалях,
А у мужа ни одной.

Отовсюду — что такое?! —
Восклицания слышны.
За сословие мужское
Стар и млад оскорблены.

— Что ж ты, брат Фома-
Ерема,
Женка верх во всем берет!
Уж сидел бы лучше дома,
Не казался на народ.

Ребятишки зубы точат,
Просто ходу не дают,
Старики и те хохочут,
Чуть поддайся — засмеют.

— Постыдись! — шумят одни. —
Поскорей домой сверни!
— Подтянись! — кричат
другие. —
Не срами своей родни!

И, до смерти смущена,
Тычет мужа в бок жена:
— Я ль тебе не говорила,
Надевал бы ордена!

Но резон у мужа свой.
Шепчет:
— Тихо, Катерина!
Так нагляднее картина,
Пусть любуются тобой!..

1951

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вергела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий, да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьушка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала:
— «Жили-были...»

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.

Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой,
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Вёдреной поры не упустить.

Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,

На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было всё.
Да поросло быльем.

Все заснут, придинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщик в бору.
Складная, как песня на пиру, —
Носа не просунуть комару.

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных

Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, —
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде —
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшищих берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на верный путь!

1937—1939

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки.
Тронешь березку — она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листвьев, на каждой

травинке

По огонечку,
По серебринке.

Дождь по пшеничному полю пронесся —
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив добре^е дело,
Тоже, довольно^е, посветлело,
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

1955

* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.'

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле,
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа.

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

СУДЬБА

В СОРОК ЛЕТ

Вот и сорок годов пробило,
А все мнится наедине,
Что пока настоящей милой
Повстречать не случилось мне.

Все еще неспокойно слится,
И на сердце не тишь да гладь,
А порою такое снится,
Что и в сказке не рассказать.

Как мальчишка, к чужим воротам
За случайной звездой бреду —
Все еще надеюсь на что-то
И какого-то счастья жду.

Вдруг отыщется, вдруг привалит,
Хлынет счастье через края...

Скажет:

— Вы обо мне мечтали?
Принимайте ж,
Вот оно — я!

1953—1955

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Бродил я по заречной стороне
И вдруг увидел девушку в окне.
Пусть скажут: «Несерьезный человек!» —
Но я такой не видывал вовек.

С каким-то объявление из двух строк
На внутреннюю сторону стекла
Наклеила она простой листок.
Как будто знак любви мне подала —
Повесила батистовый платок.

«Сдается комната!» — я прочитал.
Признаться, я ночлега не искал,
Но тут взглянул —
И до чего ж она,
Та комната, мне стала вдруг нужна!

К окну резному ближе подхожу,
На девушку во все глаза гляжу.
Она молчит.

Рука еще в клею.
И я уже как пред судьбой стою.

Хоть ненадолго захотелось мне
Устроиться в заречной тишине,
В бездымном деревянном городке,
От рощиц и полей невдалеке.

Листок я начал заново читать:
«Сдается комната...
(А что не снять?)
Для одинокого...»
И вот урок:
Зачем я стал дочитывать листок?

Уж лучше б не заглядывать в окно.
Мне жить в тиши заречной не дано.
Условий этих я принять не мог:
Ведь я давно-давно не одинок.

1954—1955

* * *

Ни покоя тебе, ни просто

Тишины —

Берега кипят,

И вода шестибалльного роста

Обдаёт с головы до пят.

Утром гребни белее мела.

Скрип камней прознобит насквозь,

Свет морской пронижет все тело,

Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый

Или радостный — не уйдешь,

Никуда не уйдешь от шума

Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала,

Ни в пади

Вологодских трущоб —

Никуда!

Так — от самого первого взгляда,

Покорившего навсегда.

1936

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношеный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода.
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею.
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях
запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку,
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черемухе солнце засветилось.
Только на березе ни одной единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменных,
Склейенных и связанных...
Каждое — подарок.

Мне одной ни писем, никаких открытоек.
Неоткуда, не от кого...
Ветер веет пылью.
Выйду за окопицу — все вокруг покрыто
Горькою полынью, черной чернобылью.

1997

* * *

Шла я нынче зáимкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайнька
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается —
До того хлопочет.
А о чем старается?..
А чего он хочет?..

Я сноровкудикую,
Заячью-то, знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Вот если б к лесным богатствам
Сводить ее на денек!

За ягодами, за медом
За свежим,
От диких пчел, —
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, — все твое.

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чём охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
— Пойдете в бор на прогулку? —
Она сказала:
— Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

— Смотрите, какие выси, —
Кричал он, — стена стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чащеби
Без устали мчались вперед,
Он стал забывать все чащеби,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбрехнула,
Охотник, взведя курки,
Понесся — как ветром сдуло —
На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —
Не под руку, где уж там! —
Она едва спспевала
Бежать за ним по следам.

Не мерены километры,
Несчетно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
— Ну как, денек по душе?

Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костер,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор —

Издалека
сначала...
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

1950—1954

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!.. —
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне — в три конфорки газ,
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...
— Ну вот мой дом, моя семья,
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вокруг стола
Под люстрову стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,
Работы много, — говорит, —
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Листья гремят под ногой, как жесть,
В голый березник спустилось небо,
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмешают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Кажется, сосны и те пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна —
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не уберечься от поцелуя.

Как мне назвать тебя — ясный свет?
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осенью нет,
Но для чего богатство без милой?

1944

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятирогому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кащея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала,
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

* * *

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле —
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова,
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать иелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды.

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.

1951—1954

МАТЬ И СЫН

ПОЭМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти, —
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Пряником на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

— — —

Как быстро в лето перешла весна!
В аудиториях запахло сеном.
Легко ли усидеть до перемены:
У самого окна шумит сосна,
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвещивают стены.

Как стрелы — в небе черные стрижи.
Галдят грачи и галки над оградой.
За город вырваться хотя бы на день!
А тут корпи — зачеты, чертежи...
И появлялись на полях тетрадей
Речушки, елочки, полоски ржи.

Уже скованивались — кто куда
Поедет на лето:
Страна богата,
Везде хотелось побывать ребятам.
Тянуло их в большие города,
К морям —
Ужель там добрь неба вода?
К горам —
Ужель не тает никогда там?

Василий сдал последний свой зачет,
И что-то вдруг напомнило дожинку,
Последний сноп.
Теперь бы квасу кринку!..
Друг путешествовать его зовет,
Да не на юг —
И дома все в новинку!
Взять удочки, палатку и — в поход
На север от селенья до селенья,
В Великий Устюг,
Дальше по течению...

Но тянет к матери:
Уж третий год
Родная сына на побывку ждет,
Наверное, не спит от нетерпенья.

Всегда больная, в вытертом платке,
В дырявом домотканном сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных
И перед кем
Не кланялась, робея? Перед кем
Не плакалась?
Спала в чуланах, в бане...

Искала счастья.
Только годы шли.
Состарилась под окнами чужими
И лишь на кличку отзывалась —
Имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон: не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора,
Перебиваться становилось нечем,
Они ходили вместе по дворам
За милостыней,
Спали по углам,
Где приведется, где застанет вечер.

И он, Васек, Васютенька, ей был
И утешеньем в жизни и надеждой,
Что вырастет и матери поможет,

Не сглазили бы лишь его судьбы...
Порой молилась богу:
«Дай ты, боже,

Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла!»
Ведь все по-новому пошло недаром:
При новой власти можно комиссаром,
А можно стать учителем, дела
Шли по-людски б,
Она бы зажила —
Корову бы доила, лен пряла,
Своим обзавелась бы самоваром.

И чтоб сынка в детдом устроить, мать
Не раз ходила в город — хлопотала.
Но без него сильней затосковала.
Сын, правда, стал учиться...
Да ведь мало ль?
К добру ли? Да пробьется ли — как знать?

Василий рано начал понимать,
О чем она молилась и вздыхала.

И вот он вынул вещевой мешок,
Взял хлеба, сала — ведь долгая дорога! —
На подбородке пощипал пушок
И вслух сказал:
— Готов! Чего еще? —
Но в голосе его была тревога.

От матери шли письма редко. Мать
В последний раз писала, что на свете
Еще есть бог, что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:

Старик, к которому ходила жать, —
Вдовец Михайло, — вдруг надумал взять
Ее в хозяйки, в жены,
Сам приветил;

Что у нее теперь есть свой домок, —
Весь двор мычит утрами и кудахчет...
Жизнь муторная кончилась,
Сынок
Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

Сначала с пылу сын решил: ему
Идти нельзя к ней — мать кулачкой стала.
(Кого-кого — Михайлу с детства знал он!)
Но любящее сердце подсказало:
Батрачит, верно, как и встарь. К тому ж,
Видней все будет после, на дому;
Он должен повидать ее сначала.

Василий был суров не по годам.
К чужим попавший чуть ли не в пеленках,
Напоминал он людям иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого, лихого ястребенка.
Но сколько б раз ему заговорить
О матери своей ни доводилось —
Его лицо печальным становилось:
Умел жалеть он, помнить и любить.

Да и в полях охота побывать,
В лугах, в лесах —
Там лето в полной силе.
Что за малинники в заречье были!..

Решил письмо ребятам показать,
Друзьям своим.

Друзья как отрубили:

— Ты ей не сын! Она тебе не мать!

В детдоме жили мы с тобою?

Жили!

Дружили, породнились?

Ещё как!

Так что же ты о нас-то не подумал?

Чтобы тебя как гостя встретил враг?

Чтобы с тобой беседовал кулак?!

Спать, есть пойдешь под крышу толстосума?..

Легко сказать: ты ей теперь не сын,
И, дескать, матерью своею брошен!..
Все так: в детдом голодным и босым
Он взят был, как зайчонок с полосы,
И жизни раньше не видал хорошей.

Но брошен ли?

Не верится, чтоб мать

Вдруг стала сразу для него чужою.

Нет, мать забыть — что родину предать...

— Пойду! — решил он.

Где ребятам знать,

Чем связан он с родимой стороною!

Решил — и легче стало. Башмаки

Проверил: топать по корням, по лужам;

Встряхнул мешок — ремни еще послужат.

Стрекочут за обоями сверчки.

Грачи над общежитьем у реки,

Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ох, и лес, ребята, ох, и лес!
Говорят, что сосны до небес,
До небес, до туч...
Легко сказать, —
Неба в соснах вовсе не видать.

А болота!
Только забреши —
Не найдешь обратного пути,
Разве что охотники спасут,
Не путем их ноги занесут.

И, живя в лесах до ста годов,
Люди не видали поездов.
Поездов все нет, но самолет
Что ни день над головой плывет.

Каким большим он помнил этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,

Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым
И все полно чудес,
Знакомым с детства, дорогим и страшным.

За кузницей глухой овраг, а там
Ютились ведьмы, оборотни, звери.
Какие — кто видал? Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночных и старым сказкам
верил.

Поют, как раньше, по садам скворцы,
С ветвей рябин свисает паутинка.
Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые —
В пупырышках, в ворсинках.

Пусть радостей не знал он здесь, — кругом
Труд беспростивший да нужда лихая, —
А не было милей на свете края.
О детство незлобивое! Всё — дом!
Всё — свой порог!
Всё — сторона родная!

Мальчиства беззлобная пора!
Как нас ни унижали, как ни били —
Обиды мы простили и забыли,
Когда в былое отошло в ч е р а;
Остались в памяти лишь вечера,
Когда мы рыбу на реке ловили,

Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

Зеленый свет без края, без конца...
Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...
С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

Взглянул, вгляделся — можно ль не узнать?
Но все не веря долгожданной встрече,
Он бросился навстречу:
— Мама! Мать! —
И стал ее неловко целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилось в яму.
И вот уж собралась толпа девчат
И баб невпроворот, и все кричат,
И ахают — не оберешься гаму.

— Вот повезло!
Сама, виши, привилась
К готовому, и парень вышел в люди, —
Но Аграфена слушать пересуды
Не стала, гости за руку взяла
И мимо баб в хоромы повела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
Тут все свое. Вот явится родитель...

Все это — двор, амбары, теремок —
Никто, как бог,
Никто, как муженек,
Радетель наш построил, вызволитель.

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли, Огрёной не зовет —
Графинюшкой все больше. То-то вот...
А уж тебя бывало ждет-пождет:
Мол, скоро силой станет сын в округе.

Василий растерялся — рад, не рад?
Смотрел на мать:
Согнулась, исхудала,
Трясутся руки, неспокоен взгляд...
— Здорова ль, мамонька?..

... А с год назад
Огрёна у Михайла поле жала.

Он овдовел, Михайло. (Почему? —
О том лишь богу да ему известно).
— Как жить тут, — говорил он, — одному? —
Хлеб не сдал — штраф,
Не вышел в лес — в тюрьму.
Ну, прямо — перекинь на горб суму
И с глаз долой,
В родной деревне тесно...

Нет, кулаком себя он не считал:
Ведь — дом как дом...
Ну, пять коров... ну, лошадь...

Он обхожденьем славился хорошим,
Работал сам,
Работе цену знал,
А батраков держал двух-трех, не больше.

Году в двадцатом в бане за двором
Домашнюю устроил мыловарню,
За обученье знающему парню
Платил позеленевшим серебром,
За мыло рожью брал, —
И крепнул дом.
До двадцать третьего все шло куда с добром,
Но донесли, и он, захлопнув баню,

Подался в волость продавцом служить.
«Усушка» объявилась, он — в контору,
«Утечка» обнаружилась — он скоро
В деревню перебрался.
Так и жил:
Пил только за компанию, дружил
С людьми из города,
И сам шел в гору.

Да ждал войны, ох, как он ждал войны!
Возня с обрезами не увлекала:
Власть у Михайлы корни подрубала,
Ему безделки были не нужны,
Так мстить хотел, чтоб вся земля пылала.

Когда же беднота его взяла
За ворот, надо было примениться
И к ней, и хоть жена не рукавица,
А сбросил все же: баба умерла,

Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.
Огрёна сразу словно ожила:
Еще бы замуж ей не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила —
Все без толку, зазря пропала сила;
А сколько хлебушка измолотила,
А сколько скотных обошла дворов,
Каких коров по найду ни доила!

И ни единой кринки молока
Себе не надоила, хоть дрожала
Над каждой каплей, все казалось мало;
Телят выхаживала — ни телка
Себе,
А сколько жала — под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая, что и не сказать,
Нежданная удача привалила!
Огрёна для приличья погрустила
И согласилась.
Сыну написать
Решила тут же: больше, мол, страдать
Нужды нет, приезжай, мол, Вася милый,
Теперь и без ученья благодать.

Все было просто:
Поутру на стол
Михайло, покрестившись на икону,
Бутылку водки вынес,

Стол обмел

И — тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе, по закону,
С собою рядом посадив Огрёну,
Неторопливо сватовство повел:

— Коль зло какое было — зло забудь.
Входи, Огрёна, правь и будь как дома,
Будь Аграфенушкой, графиней будь,
Не казачихой — большачихой¹⁾ будь,
В амбарах, в погребе, в моих хоромах.

Из загса к вечеру вернулись — он,
Еще не раздеваясь, от порога
Ей указал на три угла икон:
— Благодари Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля
И бойся бога...

А через две недели снарядил
Ее в Совет.
Она три дня ходила,
Ревела и Калининым грозила,
Чтоб твердое заданье снято было.
Добилась.
И Михайло поступил
На службу «по призванью» — в Союзмыло.

Огрёна воевала за свое.
Хозяйкой став впервые, как в угаре
Она бродила.

¹⁾ Казачиха — на севере работница, батрачка;
Больничиха — хозяйка дома.

Это ль не житье:
Полны зерном все закрома в амбаре,
Полны добром чуланы...
Все — ее?
Ужели все в дому теперь — ее?
А сколько же гербов на самоваре?

А что в подполье?
Что в шкафу? В ларе?
Что в сундуках и что за сундуками?
(Все сундуки стояли под замками).
Огрёна поднималась на заре —
Хотелось все ощупывать руками.

Петух под окнами трубит в трубу,
Разлегшись, боров стонет —
Стой и слушай!
У конуры,
Привязанный к столбу,
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Завидовала всем,
Сама теперь
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась,
Проверяла дверь:
«Жизнь!.. Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса браница: — Чтоб ты сдох! —
Второй замок привесила к ограде.
Все нынче есть, что Аграфене надо:

Был сарафан — теперь ей мало трех,
Был бог, как и у всех крещеных бог, —
Теперь их два:
И вышний бог не плох,
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?! Не велика семья,
А пять коров... Да ну-ка, посчитай-ка:
Пяток овец, три борова, свинья,
Две казачики...
И над всем-то я,
Я, Вася, надо всем сама хозяйка.

Заторопилась, скатерть постлала,
Сходила нарвала на грядках луку.
— Тебе яиц или свиного туку?
Уж так-то плакала я, так ждала!...—
Пошла в чулан,
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

«Закрыто...» Застыдилась:
— Сам, большой¹⁾),
Ключи-то взял. А я, все я хранила! —
И заметалась. Уронив горшок,
Котенка пнула:
— Брысь, нечиста сила! —
Окно открыла: — Бабы, сын пришел.
Уж так-то ладно все да хорошо...—
Но в избу ни одной не пригласила.
«Пол только топчут...»
Бабы разошлись.

¹⁾ Большой, большак — глава семьи, дома.

Василий поглядел в окно, на крыши,
На небо серое, что крыши не выше,
И муку матери, — какая это жизнь? —
Вдруг ощутил —
Как будто стон услышал.

Иное счастье грезилось ему,
И мать хотел устроить по-другому.
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить, чем дохнуть в этом «терему»,
Полы выскабливать в чужом дому,
Копить добро, служить всему чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васюта, в стойле жонь:
Меня увидит — ржет, чужой — не тронь...
Ну, как из сказки, прямо конь-огонь,
Яга от зависти б сломала ступу.

Уж и не помню вот, по скольку в час:
Хвост — в подгоре, а грива на утore...
— Что ж, покажи!
— Да... стойло на запоре.

Вошел слепой. Сказала:
— Бог подаст! —
Но передумала. — Который раз
Пришел? — спросила. — На! Молись за нас! —
И задержалась взглядом, как на воре.
— Сколь этих нищих ныне развелось —
Проходу нет! Отколь, скажи на милость?

Трудились бы, так нет! Глядят, небось,
Как бы кого обчистить довелось...
Огрёна набожно перекрестилась.

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей и шум тепла в трубе.
И вдруг ударил ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Затопотали по железной крыше.

Промокгие до нитки,
До костей
Продрогшие, в залатанной одежде
Вбежали девушки. Таща пестерь¹⁾),
Вошел и сам.
— О, бог послал гостей!
И я до радости под старость дожил.

Он был, как сыр, невиден, но глазаст,
С раскинутыми крыльями-руками
И с носом птичьим, только над бровями
Морщины громоздились пласт на пласт;
Такому если бог чего не даст —
Он за чужое схватится зубами.

— Так, значит, проживаешь в городу?—
Заокал он Василию. — То гоже!
Кому чего положено в роду.

¹⁾ Пестерь — заплечная из берескового лыка
плетенка, кошель.

Ты на окладе, стало быть? Я тоже,
Да небольшой вот дом еще веду.
Домок и служащему нужен все же.

Огрёнушка, подай-ко огурцов
Да водочки остаточек!—
И вынул
С ключами из-за пазухи кольцо. —
Я, стало, довожусь тебе отцом?
Ну, что же, — рады коммунисту сыну.

И, у окна устроившись, повел
Раздумчивую дельную беседу
Об устроенье жизни, о победах
Большевиков, о том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы...
Но не порок и бедность;

О том, что вот со жнивой чуть просрочь
И спелый колос все зерно обронит;
Что «ономедни подошли помочь
Племянницы... Еще ночуют ночь...»
И тут Михайло подмигнул Огрёне.

Он выдал ей
(«Такой сегодня день,
Давай-ко, оборачивайся, делай!»)
Яиц, лучку и даже мучки белой.
И вот защелкало и зашипело,
Запело сало на сковороде.

Подав на стол, Огрёна за шесткём
Остановилась, на Василья глядя:

«Сыночек мой! На старости награда...»

Сын вдруг заметил:

Мать не за столом.

Боится что ли?

— Мама, сесть бы надо!..

— Да вы-то кушайте! Я что... Я так... Я потом...

Михайло — тоже:

— Что ж ты? — И перстом

Ей указал на лавку, с сыном рядом.

Потом, когда настало время спать,

Сказал:

— Устал ведь сын-то за дорогу,

Его на нашу положи кровать,

Мы на полатях будем ночевать. —

Огрёна радовалась и молилась богу.

— — —

А сын не весел будто. Почему?

Стесняется, наверно...

Звонким лаем

Собак, возней кошачьей за сараем

День начался...

Теперь они в дому

Вдвоем остались, и она ему

Сказала воровато:

— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный черт,

Косясь на желтую в медяшках сбрую.

Огрёна хвалится:

— Смотри-ка вот,
Ученый конь, глазами так и жрет.
«Дай ногу!» — скажешь,
Ногу подает,
«Подай другую!» —
Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
К колодцу ткнулся, обезумев, хряк,
Когда лихой, подтянутый рысак
Пошел плясать, поекивая басом.

Деревня с визгом жалась к стороне.
Взлетела над ухабами корзина.
Огрёна правила сама: коней
Она любила; муж ушел, а ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля, тереби! —
Молила щепотом она сквозь зубы. —
Пляши, родимый, топай, толстогубый!.. —
Мелькали палисадники, столбы,
А небо то вставало на дыбы,
То опускалось на сады, на трубы.
Горяч рысак — не натяни вожжи.
«Вот на таком невестой выезжать бы!..»
И вспомнила Огрёна свою жизнь,
Украденную молодость во ржи —
Обидную несправленную свадьбу.

И так дышала, словно никогда
Уж не дышать ей больше.
Лошадь взмокла...

Зло огрызались бабы у пруда,
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный, недобрый:
В хлев не зашел, не осмотрел двора,
Как будто в них ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло был покладист, как вчера:
Ждала — ругать начнет,
Он все одобрил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пылью избы занесло,
Свищет ветер в поле.
И на сердце тяжело,
Тяжело до боли.

Ждет Василий, чтоб гроза
Освежила лето.
До того болят глаза,
Что не видно света.

Будто пыль со всей земли,
Все пески, что в поле,
Прямо на сердце легли —
Тяжело до боли.

В деревне было сто дворов. Кругом
Леса и пашни.
В три ряда-посада
Тянулись избы с трех полей на холм,
И здесь был центр села, «угор»; на нем
Часовня с куполом;

Как всякий дом,
Часовенка стояла за оградой;
Конечно, и калитка с петухом,
Скамья, конечно, и колодец рядом.

Сюда по праздникам, по вечерам
На круг, на пляску девушки сходились;
Здесь на досуге мужики судили,
Когда косить, когда пахать пора;
Охотники похвастаться любили —
Они всегда на сказки мастера...
Ходил к часовне этой и Василий.

Как свой — к соседям.
И, казалось, все
Раскланивались с ним по-свойски просто:
Уж он не нищий,
Да и не подросток.
— Василий Николаич, вы совсем
В деревню к нам иль в гости?
— В гости, в гости!

Все шло как надо.
Только замечать
Василий стал, что иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат,
Иль засмеется кто-то из девчат,
Закашляются старики соседи:

Что ж, мол, Михайло... может, и кулак,
Но человек же...
Ничего, гостите.
А впрочем, сами — вам видней! — смотрите,
Судите сами — что, к чему и как...

Иные просто не скрывали зла,
С его приходом становились строже,
В глаза глядели, как из-за угла,
Шутили так, что холодок по коже.

И уж совсем не шли дела на лад,
Согласья не было с Петром Валовым.
Тот у Михайлы много лет подряд
Батрачил,
И «наследника» был рад
Поддеть при случае веселым словом:

— Как вас теперь — на «вы» или на «ты»?..

...В селе Валова звали «Долог-Тонок»:
Что весла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный, беднота из бедноты,
Покладист и доверчив, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Но жизнь любя, Петр сетовал немало,
Что старость близко и уж, как бывало,
Не грохать на угоре каблуку;
Что бабы нет своей,
А мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности Валов,
И запевала и плясун когда-то,
Невест немало разных пересватал —
И старых дев
И даже старых вдов
С коровами, а чаще без коров,
Но сваты были, что ль, не тароваты?

И за него боялись выходить:
«Веселый, — говорили, — да не сытый;
И сруб не дом, коли стоит не крытый...»
Лишь горничная сельской попадьи
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее ушел побитым.

Большая, мягколапая, она
Мурлыкала:
— С тобой не жизнь — веселье! —
И сладко пахла липкой карамелью. —
Считай, что я почти твоя жена,
Но только, Петя, музыка нужна,
Чтоб танцевать на нашем новоселье.

Есть у Михайлы старый граммофон;
Труба, что колокол, в трубе вся сила.
Я на твоем бы месте согласилась
Три года проработать — есть резон!
Ну, а Михайло не поспорит, он
За два отдаст...
Уж я договорилась.

Петр две страды за «музыку» трубил,
Сил не щадил, дня не сидел на месте,
Пни корчевал в полях, дрова рубил.
Но в чем-то под конец не угодил,
И вот — ни граммофона, ни невесты...

—...Так как же вас на «ты» или на «вы», —
Он спрашивал Василья. — Сделай милость,
Скажи! —
(И гостю жутко становилось) —
Михайле не сносить бы головы,
Когда б Огрёна с ним не породнилась.

А с вами он и вовсе не кулак.
Мы тут мечтаем о колхозном деле,
Так вы бы о Михайле порадели.
Пишите заявление:
Так и так,
И мыловары, мол, нужны в артели.

Иль так порою начинал Валов:
— Ну, как наследство? Принял все по форме?
Теперь тебе, я думаю, тепло,
Поди, свининой да блинами кормят?—
А сам как захохочет...
...Тяжело!

Любил Михайло летом перед сном
С цигаркою усесться под окном.
Ни голосов вокруг,
Ни ветерка...

Василий следом за Михайлом вышел
И, торопясь, не оробел пока,
Спросил:
— К чему ты связывался с нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика —
Ужель невесты не нашел почище?

Михайло брови поднял. Желваки
Вдруг заиграли.
— Что вы! И в помине
Здесь этих псов, — сказал он, — нету ныне.
Ну что у нас, в лесу, за кулаки?
Мы от всего такого далеки.

Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

Я линией партийной дорожу.
Батрачки — говорите? Я их сроду
Не нанимал. Племянниц вон держу,
Так — для добра...
Я, как и вы, служу —
Вы сами понимаете — народу...

Ночь летняя светла и коротка.
Вот уж к колодцу поплелась старушка.
Из ничего рождались облака,
Как будто чья-то сильная рука
Строгала небосклон и по бокам
Охапками раскидывала стружку.

За палисадом вздрогнул первый лист...
Михайло встал.
Он понял, что некстати,
Что попусту слова и время тратил.
— Ты, стало быть, еще не коммунист? —
Сказал Василию он. — А речист...
Ну, что ж... Светает. Посидели...
Хватит!

Когда в дому раздоров не изжить,
Кто может горе матери измерить?
Огрёна плакала и не могла поверить,
Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось всех перемирить!
Конечно, муж поглядывает зверем,

Но сын-то, сын! Ему бы все — добром,
Ведь до какого счастья парень дожил:
К нему по праву перейдет весь дом,
И утвердился б он навеки в нем
С женой работящей да пригожей.

Не радуется! Чем его пронять?
И уж она и так, она и этак,
И про коров ему, и про коня...
Молчит — и только.
Васю не узнать.
— На что, сынок, теперь тебе пенять?
Не любо, что завидуют соседи?

Молчал Василий.
Что он мог сказать?
Какую мог пообещать ей малость?
А надо отстоять ее, отнять...
Учебы две зимы еще осталось.

Еще два года — и он смог бы взять
Ее к себе, чтобы утешить старость.
И, выбрав время, с наступлением тьмы,
Обняв ее, заговорил он прямо:
— На кулака позарилася, мама?..
Иль нет другой дороги от сумы?
Иль думала, не справиться самим?
Нет, жизнь не та... травы не ниже мы... —
Огрёна брови сдвинула упрямо.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине,
Мы от всего такого далеки.

Уж если есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак — какой же он кулак?
Мужик как все, и никого не хуже...
Живет на жалованье — стало, нужен.
Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло служащий, а не кулак:
При месте он, и сам народу служит.

— В народе-то о нем и говорят,
Что он не служит, а народ, мол, грабит.
— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти:
Михайло, виши, богат.
Радеть о доме, Вася, каждый рад,
Да ведь не бойки и умишком слабы.

— «Племянницы», — Василий наступал, —
Лишь у одних у кулаков бывают.
— И полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да ведь не выдюжить, достаток мал;
Ну, зло берет...
Вот бабы-то и лают.

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все и был вдвойне
С Огрёной утром ласков:
Звал «Отрёшай»,
«Моей графинюшкой», «моей хорошей»...
Ключи ей передал, сказал: — Жене
Всем володеть, коль будет жить по мне. —

И потрепал, погладил по спине,
Как верную объезженную лошадь.

Но вечером, узнав, что ополдня
Огрёна жарила оладьи сыну
И что брала из погреба свинину,
Он в дом вошел, косясь, весь свет кляня,
Шипел, подталкивал ее, гонял,
Совал костищым кулачищем в спину.

— Беда двору, коль курица поет
По-петушиному.
Жена, что кошка,
Пусти за стол — и наживешь хлопот.
А тут еще какой-то обормот
Не ждан, не зван пришел к тебе, и вот
Ему — кровать,
Ему — большая ложка.

Огрёна сникла: в угол за шесток,
Как в щель забилась. Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.
Василий думал:
«Может, впрок урок —
Глаза откроются...»
Но мать вздохнула
И отошла, ни слова не сказав.

А только стихли ругани раскаты
И муж полез за стол, под образа,
Огрёна по-собачьи, виновато,
Покорно глянула в его глаза,
В зеленые Михайловы глаза,
И бросилась греметь в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Чужою показалась мать, горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась! Причитала,
Как будто спорила с собой, вздыхала,
Шла в погреб с кипяченым молоком,
Да не дошла, к поленнице притпала
И растирала слезы кулаком.

Вся жизнь пред ней, как пустошь за двором
Крапивная — в колодинах и в ямах:
Все до вершка завалено камнями.
Не вспомнить дня, чтобы прошел добром...
Все втоптано,
Все полито слезами.

И литься, литься им... На лоскутки
Душа изорвана...
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала бы, плакала с тоски,
Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало.

Сын видел все и вот уговорить
Решил ее поехать сразу в город.
— Ты, мама, будешь в общежитье жить,
Со мною вместе,
Там начнешь служить:
Белье стирать, полы мести и мыть,
Потом... Колхозы в селах будут скоро.
И я ученье кончу. Положись
На сына, мамонька. Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет, замает...—

У матери слеза в глазах дрожит.

— Васютенька, сынок!.. Опять к чужим?

Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.

— Но, мамонька, да ты и здесь — чужая!

Мать выпрямилась, словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.

— Ты ослеп неуж?

Михайлу хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик спроворил.

— Он, мама, царь и бог...

— На то и муж.

— Зачем же бьет тебя он?

— Бьет по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет, так будто и не лихо.

— Все от тебя закрыто.

— Он — большак!

— Батрачка ты!

— Нет, Вася, — большачиха.

На гумнах, за дворами, по домам
Давно уже ходили разговоры:

— В хомут Огрёна сунулась сама,
И сын — набрался в городе ума! —

Туда же лезет,

Там же будет скоро.

Василий горячился, но в ответ

Шутили да плечами пожимали:

Мы ничего, мол, слыхом не слыхали,

До ваших дел нам вовсе дела нет.

По деревням заем распространяли,
И днем пришел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем, нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиной целый угол,
Сидел один, потея, как над плугом,
Над сводками, где на числе число.
Все с революцией к нему пришло,
Лишь арифметика давалась туго.

Василья встретив, он оставил счет.
— А! Знаем, — говорит, — как поживаем?
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
Образованье каждому дает.
Ну, как вы там? Ученье как идет?
Наслышались: приехал и живет,
Мол, у Михайлы... Или врет народ?
Или не врет он?
И Михайла знаем!..

И председатель щурился, щипал
Бородку, двигал хитрыми усами.
Все выпытал, все выспросил, узнал,
А поручения давать не стал.
— Управимся, — сказал, — тихонько сами.

Василий встал, не видя ничего,
И председателю руки не подал.
Он принял недоверие его
Почти как отлученье от народа.

Дорога шла болотом, через гать.
Журавль покрикивал в траве высокой.
И было непривычно одиноко.

В душе смятенье:
Как оставить мать?
Мать позабыть — что родину предать...
Свернуть с тропы, упасть да зарыдать,
И рвать зубами горькую осоку!

Лес окружал его кромешной тьмой.
И вот представилось:
Он снова нищий...
Один...
Василий сел на корневище,
Вздохнул:
Та-ак! Рвался человек домой,
Шел — песни пел,
А дома не отыщет.

К воде склонился: думалось, юнцом
Себя увидит...
Как он посурошел!
В болотной жиже, словно в луже крови,
Веснушчатое бледное лицо,
Донельзя сдвинуты густые брови.

Стоячая зеркальная вода,
Казалось, отразила ястребенка,
До срока выпавшего из гнезда.

Пора была нелегкая тогда,
И все, переболев, перестрадав,
Взрослели рано мы, не по годам:
Глядишь, уже мужчиной стал мальчионка...

Василий посидел, набрал камней
И стал кидать с мостков за камнем камень,
Чтобы рассеяться.
Вода пошла кругами,

Густыми, розоватыми, и в ней
Явились сотни молодых парней,
Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск
Да брызги, как пыльца,—
И толпы одногодков проявлялись
Из одного скуластого лица;
Они то хмурились, то вдруг смеялись,
Шли вглубь, и вдаль, им не было конца;
И снова все в одном лице сливались.

Припомнились знакомые места...
Решение созрело:
В город, в город!..

Мать подала письмо.
«Ну, как ты там,—
Друзья писали, — рыжий, сирота?
Не прижился? Сбежишь, наверно, скоро?

Иль дом нашел? Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...»
Василий думал:
«У меня семья
Одна со всеми. Сирота не я.
Вот мама у меня осиротела».

В ограду ночью вышел. Как в гробу,
Как в яме погребной, темно и душно.
Все опят, и лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да, сын сбежит.
Но этот чертов дом

Развалится.
Пора еще настанет,
И над Михайлой гром великий грянет,
Мы здесь порядок наведем во всем!

Еще все спало, куры свой насест
Не покидали — уж Огрёна всталла.
В сенях работниц грубо растолкала
И повела их к новой полосе.
Еще был след заметен по росе,
Стрекозы не летали —
Чуть светало.

За нею, так и не успев соснуть,
Взяв рюкзачок свой, мучась от зевоты,
Пришел и сын.
Явилась вдруг охота
Привычно спину над жнитвом согнуть,
Почуять запах ячменя и пота.
— Сядь, мама, отдохни, а я пожну,
Тебя и так сгорбатила работа.

Все никого дороже и родней
На свете не было. Ах, мама, мама!
В какой бы час, какими бы словами
Заговорить еще раз с милой, с ней?..
Огрёна разогнулась.
— Ты ко мне? —
И, улыбнувшись, развела руками.

— Я, Васенька, сыночек мой, авось
Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
— Я не об этом, мама, беспокоюсь.

— Зачем же серп тебе — ты нынче гость!
Есть вот запасный,
Но тупой небось... —
Василий взял — и вот за горстю горсть
Стал хлеб ложиться на крученый пояс.

Мать сноп нажнет, Василий — два снопа,
Завязывает через два наклона;
Сухие сразу ставятся в суслоны,
Сырые на просушку, напопа.

— Ну и дотошный! Видишь, как напал!
Ну, работяга! — ахает Огрёна.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь-де, мама, у тебя плохая,
Батрачить, мол, и что-то про Михайла, —
Она поджала губы, стала рвать
Ячмень с корнями — не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб кормильца хаять.

И снова стали торопливо жать:
Василий — молча,
Мать — ворча, вздыхая.

Вокруг — все больше кепок и платков
И все слышнее влажный хруст соломы.
Шли мимо толпы баб и мужиков.
Одни остановились:
— Кто таков
Жнет у Михайлы? А, да тут
знакомый... —
И отыскался хлеб для остряков:

— Василий Николаич, бог на помощь!
Вот, бают, нет в деревне батраков,
А у Михайлы — трое. Счастье дому!

Огрёна даже взвизгнула. Хлыщом
Кого-то назвала.

— Завидно что ли?
И завязалась перебранка в поле...

О чём просить и ждать чего еще?
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простившись, зашагал в заполье.

Он брел, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник — стороною,
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать, христа звала на суд...
Так заблудившийся кричит в лесу,
И жалуется на судьбу,
И воет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три года — время малое,
А не узнать села:
Вершатся небывалые
На родине дела.

Страда, страда великая
По всей стране идет.
Как прежде, горе мыкай,
Не хочет жить народ.

Взрыхляют землю вешнюю
Стальные лемеха,
И кажется потешною,
Нездешнею соха.

За трактором гоняются
Мальчишки вдоль полос.
Старухи удивляются
Следам его колес.

И лишь неудивительно,
Что здесь же, на меже,
Подростки все решительно
Условились уже,

Что после обучения —
Настанет же пора! —
Им всем без исключения
Идти на трактора.

Михайлы дом и темен и суров
Стоял, как после ливня грозового.
Шла опись всех наличных животов:
Сводили со двора овец, коров,
Считали,
Пересчитывали снова.

Пять мужиков в амбаре на весы
Ссыпали рожь, трясли пшеницу в сите,
Перегребали семя льна в корыте...
Все проверял и в книгу заносил
Член сельсовета, Аграфены сын,
Василий Николаевич — учитель.

Уж год, как по путевке крайоно
С наказами и рика и райкома
В свое село с учительским дипломом
Пришел он;
Попросили заодно
Работать избачом,

И заодно
Колхозным счетоводом.
Как родной, в деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери в богатый дом
Ему дороги не было.

Вначале

Его у матери не раз видали.

Но сын твердил Огрёне об одном:

Мол, брось все это, будем жить вдвоем...

И как-то даже пес, как на чужом,

Повис на нем,

Аж полы затрещали.

Теперь он снова был в ее дому:

На все решившись, не колеблясь долго,

Себя сменить он не дал никому;

Распутать этот узел самому

Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых

Был Петр Валов.

Он жил уже в колхозе.

Сюда пришел он с чувством правоты

И по-хозяйски строг был и серьезен.

Но, суд верша, он все же не забыл

О личном деле, о своей обиде,

Как здесь бессовестно обманут был:

Он две страды за граммофон трубил,

А граммофона так и не увидел.

Теперь он перешарил весь амбар,

Пока другие занимались хлебом.

— Найду! — кричал,

И где он только не был! —

Мой граммофон!

Моя теперь труба!.. —

Он вынести хотел ее для баб: —

Пускай хоть раз споет под нашим небом!

Как в праздник, под окном шумел народ.
Одни смеялись, плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет и на весь приход,
Волит Огрёна...
Но потребуй сход —
Любой пошел бы, верно, в понятые.

И вот на улицу, прижав к груди
Корзину с допотопным граммофоном,
К народу, к детям вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи! —
И щупали:
— Сундук с замком...
— Зеленый...

Седой старик, зажав клюку меж ног,
На граммофон косился, как на чудо,
Он опасался, не было бы худа,
Но любопытства превозмочь не мог
И из толпы не уходил покуда.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистив их от плесени и пыли,
Все разложили.
— Что еще забыли?
— Иголки где? —
Иголок не нашли.
Но у Петра без шляпок гвозди были.
На валуне, торчавшем из земли,
Укоротив их, тут же наточили.

И, затаив дыханье, стали ждать.
Мужчины сели, ребятишки встали.
— Не заиграет! — бабы завздыхали.
Петр осердился:
— Должен заиграть!
Я столько бился — и свое не взять?
Давайте подбирайтесь, да — плясать,
Ведь мы за жизнь ни разу не плясали.

Пружина заурчала, как могла,
На скрип несмазанных колес похоже,
И вдруг труба
Гнусаво, ржаво, с дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых, с воем воззвала
К широкому пустому небу:
«Боже,
Царя храни!»

Сначала мужики
Опесиши. Все показалось внове.
И бабы ждали песен не таких.
Насторожились, и взлетели брови,
Как будто, ожиданью вопреки,
Стал о народе граммофон злословить.

Тень старого державного орла
Над сбившейся толпою пролетела;
Она людей по-разному задела,
Но рана старая не зажила:
Толпа заволновалась, загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то, снял пластинку,

Понес ее к колодцу на тропинку.
Ему кричат:

— На что она сдалась!
Отдай старухе, пусть закроет кринку! —
И вдруг вся площадь смехом залилась:
Валов на плоскую коровью грязь —
Край в край — с причетом возложил
пластинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками пустыми грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым:
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья, весь седой,
В муже, Василий вылез из подвала,
Прищурился — задорный, молодой,
Присел. Пружина снова застучала.
И вот пошла
«... девица за водой,
За холодной ключевой...»
Да так, что вся деревня заплясала.

И лишь Огрёна в доме, к вековой
Печи припав, той песне подвывала.

Устала... Окаянная судьба!
Глаза слезой-туманом застилает.
Добро в трубу летит,
Всему труба!
Не бог карает: бог, он правду знает.

За все простила бы Огрёна баб,
Петра простить не может.
Не желает.

Болтун как есть, из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по миру ходили,
Батрачили, где приведется жили,
Где бог велит,
Своей земли, избы
Иметь не чаяли...
И все забыл!
Вошел в права, продрал глаза бобыльи.

Мир отвернулся от нее: одна,
Без сына — мать,
Хозяйка — без коровы,
Без власти под своим родимым кровом...
Но с нею муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижней валуна,
Согнувшись, за столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками.
Огрёна утром не нашла часов,
Ножей с серебряными черенками...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
«Все будет нашим... в яме...»

«Теперь вся сила, вся надёжа в нем,
С ним — бог, он богом в большаки посажен,
Моя душа — он, и семья, и дом.
Все будет так, как он решит и скажет.
Уйти захочет — стало быть, уйдем,

А смерть застанет — заодно умрем:
Могилу выброем и рядом ляжем.

Жить заодно и гибнуть заодно.
Ни я его, ни он меня не бросит...»
Дымят, шумят, смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной.
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Катался бы от злобы по земле,
И пусть песок набьется в рот и в уши,
Но только б смеха бедноты не слушать
И радости не видеть на селе.
Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят окурки. Он огня не тушит.

Не верится еще, что вот конец
Пришел всему —
Такое ль проносило!..
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайлы душу зазнобило:
Из стойла выведенnyй жеребец
Плясал в оправе пряжек и колец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал, сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прядал и глазами рыскал.
Казалось, не сдержи Михайло стон,
Скажись хозяин —

И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло сжался, губы закусил,
Но стон сдержал и голоса не подал,
Лишь ласково Огрёне забасил:
— Огрёнушка! Твой сын, твоя порода...
В тебе вся сила.
Родная, спаси!
Проси прощенья, милости проси...
Да не у этих — всех,
Не у народа, —

К нему пойди,
К ногам его пади.
Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Где у тебя, мол, совесть-то, у сына?
Не разоряй, мол, Вася, пощади!

Ты выброс на моей, скажи, груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чтут партийцы матерей?
Али, скажи, не я тебя рожала?
Пойди, графинюшка моя, скорей...

Огрёна, словно от удара, сжалась,
Взяла платок — рука ее дрожала —
И вышла в сени, не закрыв дверей.

В ограде сын и трое понятых
В телегу упряжь разную сносили,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты.
У граммофона — смех до хрипоты,
А здесь, в ограде, даже не щутили.

Огрёна сына позвала за двор.
Он не готов был для такой беседы
И, раз один взглянув на мать в упор,
Погутился:

— Что? Отойти за двор?
На разговор?
Не нужен разговор!.. —
Тогда в сторонку отошли соседи.

И сразу стало слышно, как жуёт
Овца в хлеву, как друг у друга перья
Рвут петухи...

Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет,
Надеялся: она вдруг все поймет,
Махнет рукой на все
И хлопнет дверью.

И, не решаясь поглядеть опять
В глаза ее (как все теперь далеко!),
Он отвернулся, чтоб слезу сдержать:
Вдруг стало жалко и себя и мать.
Но ничего ей, видно, не понять! —
Сын ощущил, как с нею одинок он.

И все ж навек родна и дорога!
На плечи б кинуться,
Услышать: «Милый!»
Василий брови сдвинул через силу.
Легко ли видеть в матери врага!..
Огрёна грохнулась к его ногам
Врастяжку, как на свежую могилу.

Сын, отступив, позвал Петра, а сам
Скорее — к людям, ко всему людскому.

Петр сел с Огрёной рядом на солому.

— Запуталась ты! Шла бы снова к нам.

Чего тебе, — сказал он, — в этом доме? —

Огрёна грязь растерла по щекам.

— Завидуешь, что не твои хоромы?

Чужой те двор покоя не дает?

Глаза вам выело чужое счастье?

Набросились, обрадовались власти!..

— За счастье-то и поднялся народ.

Мы и тебе хотим, Огрёна, счастья.

Но тут на двор окно раскрылось настежь —

Огрёна заспешила:

Муж зовет!

ГЛАВА ПЯТАЯ

У тальянки звонки планки,
Колокольчики — лишь тронь!
До полночи на гулянке
Заливается гармонь.

При погоде, непогоде
По отаве, по траве
За селом девчата ходят
С гармонистом во главе.

«Раньше были мы в неволе,
А теперь на волюшке,
Любо, девочки, работать
На колхозном полюшке».

«Мыловар переродился,
Запросился в наш колхоз.
Он на нищенке женился:
Притворился кровосос!»

«Я иду, а трактор пашет,
Тракторист мне кепкой машет.
Я сказала: «Не маши,
Аккуратнее пши!»

«Я так топну!
И вот так топну!
Кулакам не будет ходу —
Все равно лопнут!»

Просыпаются леса,
Голубеют небеса,
Петухи хозяек будят —
Не стихают голоса.

Аграфене за ночь эту
Очи выела роса.

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел и опустело стойло,
А с ними вымер, опустел весь свет.
Огрёна утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому готовить пойло?

Кому с утра напарить, наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
Кого по теплой шее потрепать?

Кого приветить?
На кого прикрикнуть?
К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертво.
Труха, да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
А с нею что? Не волк ли искусал? —
Кровавая на ребрах полоса...

Огрёна молча обласкала пса
И в хлев впустила:
Всё-таки скотина!

В ту ночь, забрав котомку и топор
И все, что зарывалось у забора,
Кой-что заранее спровадив в город,
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор;
Тьма поневоле укрывала вора.

Один ушёл.
Теперь не до жены,
На что еще могла она сгодиться?
К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той, так с этой стороны,
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны, —
Куда же с ней? Жена не рукавица.

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрёна утром взвыла, закричала:
— Ограбили! Спасите, мужики! —
Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла: «Ушёл» —
И замолчала.

«Ушёл! Куда? — ни слова не сказал. —
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою христову половину?
Ушёл и ничего не наказал.
Где были раньше у меня глаза?
Одна теперь, как сноп в пустом овине,

Как голый камень в поле у межи,
Как веник, выброшенный на дорогу.
Не занесешь теперь к соседям ногу.
Податься ли к сыновнему порогу
Иль снова мерзнуть под окном чужим,
В чужих чуланах спать?
А надо жить,
Доплакивать, домаливаться богу...»

И Аграфена стала собирать
Все, что осталось:
Самовар с полицы,
Горшки с шестка, тарелки, коробицы
С тряпьем, с железками,
И под кровать
Все забивала — может пригодится.

Приволокла из погреба конец
Половика, в подполье побывала,
Обшарила все уголки подвала —
Нашла топор да ржавый бубенец;
Все разложила,

Все пересчитала,
Уселась на кровать и под конец
Заплакала:
Насобирала мало!

Два дня, две ночи бесновался пес:
На стену прыгал, аж стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала,
Баб у колодца пробирал до слез —
Огрёна ничего не замечала.

Разлегшись под вечер во всю длину
И глядя на навозную лепешку,

Он взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слону,
Затих, лежал, не подходил к окошку.

Не видела Огрёна ничего.
Но вновь пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили —
Как найти его? —
И снова к сердцу привалился камень,
Огрёна подняла истошный вой,
Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели? —
И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок. —
Умру! Уйдите! Мало вам еще?
Все подчистую взяли, все поели!

Ей показалось, что у всех в глазах
Недоброе к ней что-то затаилось.
Она еще отчаянней забилась:
Впервые ощутив пред ними страх,
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

«Валов все тут же...
Виши, глаза горят.
Во двор пошел зачем-то... ходит, шарит...
Он первый стал хозяйничать в амбаре:
Нет своего — в чужом порыться рад...»
Огрёна к сыну обратила взгляд:
— Васютенька! Куда теперь мне, старой?

Одна ведь я...

Ты грудь мою сосал...

Оставь для матери хоть сруб да крышу.

Зачем Валов опять в ограду вышел,

Чего он ищет?

Вдруг рычанье пса

Из хлева донеслось, и голоса,

Визг с улицы и хохот ребятишек.

Огрёна бросилась к окну, назад

Отпрянула,

Увидела Валова —

Он в хлев заглядывал —

И, не сказав ни слова,

Метнулась из избы на голоса.

Василий не успел поднять глаза,

Мать выпустила бешеного пса,

Растравленного, на Петра Валова.

— Усь, — закричала, — усь! Души! Вот!
Вот!

Чтоб домом нашим злыдню подавиться! —

Собака зарычала, как волчица,

Рванулась из распахнутых ворот,

Но не к Петру,

А врезалась в народ

И начала кружить, оскалив рот,

Кусать ребятам ноги, руки, лица.

Василий выскочил из дома:

— Бей! —

Кол на бегу рванул из палисада, —

Петр, — за берданкой!

Запереть ограды!..

Собака, взвизгнув, от избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрёна у себя,
В своих владениях распоряжалась:
Закрыла хлев, на лестницу вбежала
И, увидав испуганных ребят,
Набросилась на них, шипя, хрипя,
Кого к стене, кого к крыльцу прижала,

Кого хлестнула палкой по спине.

— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!
Щенки! —

Всех выбросила из сеней,
Ломая ногти, влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

Собаку задержали за селом.
На тракторе бригада пар пахала;
Собака, морду опустив, бежала,
След заметая черным помелом,
Через загоны, к лесу, напролом,
Но, ткнувшись в трактор, очумело встала,
И тракторист ее пришиб колом.

Василий с шомполкой на перевес
Спешил, когда его остановили:
— Василий Николаич, мы убили! —
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так, словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причеты.

Но он не сразу догадался — что там.
А там к колодцу бабы собрались,
Кляли всё скопом, поносили жизнь,
С Огрёной старые сводили счеты.

Одна кричала:

— Бабы, надо к ней
Самим идти, детишки-то ведь наши!
Гоните стерву из деревни взашей! —
Петр пошутить хотел:
— Шумней, шумней!
Погромче, бабоньки, не слышно мне —
И вдруг всерьез:
— Учителю видней —
Огрёна все-таки ему мамаша...

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отдирая ноги.
Душила пыль, песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит,
Постоит немного
И снова ступит, снова трудный шаг,
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:

«Надо в город написать.
Смолчать нельзя, хоть, верно, маму
вышлют...»

С колодца долетают голоса
И рев, но чудится — ее он слышит:
«Взгляни, родимый мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу...»

А ребятишки плачут. И опять
Решенье трудное сгибаet спину:
«Придется, видно, мать арестовать,
Я сам возьму...»
Но снова стонет мать:
«Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Не вместе ль милостыню собирать
Ходили мы? Ты хочешь жизнь отнять!
Где совесть, Вася, у тебя, у сына?!»

К колодцу, не заговорив ни с кем,
Пробился торопливо он — к народу.
Там Петр Валов ведерком черпал воду:
У девочки по розовой щеке
И по искусанной до локотка руке
Стекала кровь
И капала в колоду.

Василий сразу будто выше стал,
Уверней в себе и даже строже.
Усталости как не было,
Но все же
Еще он дрожь под сердцем ощущал.
Он думал:
«Пес, который искусал
Детей, и вправду бешеный, быть может?»

Нас не осилив, наших матерей
Враги изводят.
Но не сладить с нами!»

И он распорядился, чтоб скорей
Везли ребят в больницу. У дверей
Ружье поставил.

Ровными шагами
Михайловой оградой зашагал.
За ним Валов с соседями — гурьбою.
Изба им показалась нежилою,
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрёны не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор... Огрёны след пропал:
На сеновал вошли — и сеновал
Дожнул на них могильной тишиною.

«Ужель ушла?»
Василий по скобе
Влез на чердак, ногой тряпье откинул,
Вгляделся в сумрак и... оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Стиной натруженной к родному сыну.

В избе под тяжестью десятков ног
Слегка постанывали половицы.
Огрёну положили под божницу.
Никто над прахом свечки не зажег,
И сухи были и суровы лица.

На лавках, на полу, по всем углам
Валялись тряпки, битые стаканы,
Тарелки, полуshalки, сарафаны...
Кому теперь он нужен, этот хлам?
Беречь, раскладывать по коробам
Никто обнов Огрёниных не станет.

Василий к матери щекой припал.
Что скажет он?
Глаза его горели.
Так постояв, он перешел к постели,
Сел, сгорбившись, вздохнул
И снова встал...
Все на него на одного смотрели.

Василий, потерев ладонью лоб,
Спросил, отправлены ли в город дети,
И, наказав, чтоб сколотили гроб,
Пошел на улицу,
На свежий ветер.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.

Петр злился:

— Доски не Огрёну ждали! —
И так рубил, вздыхаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали.
— Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь...

А мы не отстояли.

Давайте ж хоть склоним по-людски.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты навсегда любима. Отзовись,
Поедем к нам, в далекое Блуднovo
Иль в Каргополь, где начинали жизнь.
Теперь повсюду что ни день — обнова.

Бывало, посмотреть велосипед
На звук рожка сбегалось полселенья.
Ощупав все до винтика, мой дед
Руками разводил от удивленья.

Опять подростков, ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний к нам придет успех:
В селе давно велосипед не чудо.

И патефон не чудо, ни бог весть...
Иголки, правда, есть еще не всюду,
Хоть гвозди ставь,
Но патефоны есть!
Амбары новы, хлеб в сусеках есть.
А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне лето, благодать,
Уже свиваться начала капуста...
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена, ячменя пожать,
Чтоб в пояснице чувствовалась усталь.

Шесть месяцев там крутятся снега,
Два — грязь стоит, к соседу нет прохода,
Перебираются по огородам.
Зато как оживает вся тайга,
Светлеют дни, медоточат луга,
Земля свежеет в середине года.

Охота дома побывать опять,
Хорошие доходят в письмах вести.
Но без тебя я стал бы тосковать.
Поедем вместе!
Будем снова вместе!

*Блудново — Москва.
1937—1938.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Москва — Вологда	5
Дорогому юбиляру	7
Только на родине	8
У земляков	10
Вологда	12
Деревня Влуднобо	15
Вологодское новогоднее	18
Не умру	20
Пуговка	22
У кабинета Ильича	25
Спешите делать добрые дела	27
Зайчонок	29
Орел	31
Пробуждение	32
Юг-река	34
Всё можем	35
Утром не умирают	37
Шинель	39

Русские мы	41
В морском музее	43
Телеграмма	45
«Весна по всем дорогам»	47
Твоя родина	49

СОСНОВАЯ ГРИВА

Весеннее	53
Сосновая грифа	55
Ленок	56
Настасья	58
Сорок первый год	64
Сама Победа	66
Два урожая	69
Евдокия Петровна	72
Дожинки	79
Мы еще поговорим	82
Невеста	85
Свежий хлеб	87
Осень-красавица	89
Конюх	91
Баллада о рыбаках	95
«По рукам пошла красавица»	97
Сосна	99
Осина	101
В гостях у сына	103
В выходной день	107
Присказки	109
После дождя	114
«Тянет в простор полей»	115

СУДЬБА

В сорок лет	119
Сдается комната	120
«Ни покоя тебе ни просто тишины»	122
Заречная красавица	123
Девушка затосковала	126
«Шла я нынче зáимкой»	127
Охотник	129
Спокойнее вдвоем	132
Время любви	135
«Если б ты в рёку упала»	137
«Скрутит тебя любовь»	139
Перед дорогой	141
Мать и сын, поэма	143
